

ляющие собой тезисы, предложенные для очередного всесоюзного совещания фольклористов.³⁷

В. Е. Гусев в докладе «Проблемы теории фольклора» признает, что «реализм как исторически закономерный способ художественного познания», возникающий «в эпоху образования и развития буржуазных связей в обществе», в русском народном творчестве слагается «не ранее, примерно, XVII—XVIII вв.», причем в фольклоре он «обладает своими специфическими чертами, отличающими его от реализма в литературе». В. Е. Гусев добавляет, что и «в фольклоре капиталистической эпохи наряду с реализмом продолжают существовать и другие художественные методы».³⁸

Гораздо осторожнее формулирует свое отношение к вопросу о реализме народной поэзии Б. Н. Путилов: «Необходимо покончить с некритическим и неисторическим употреблением понятия реализм и производных от него применительно к фольклору. Если действительно существует проблема реализма в фольклоре (разрядка моя, — В. А.-П.), то она должна решаться в единстве подлинно научного теоретического к ней подхода и конкретно-исторического исследования фактов». С этим положением Б. Н. Путилова нельзя не согласиться, однако мне представляется, что автор напрасно обвиняет своих предшественников в том, будто они все развитие фольклора сводили к усилению в нем реализма, а «ранний фольклор» ценят постольку, поскольку в нем обнаруживаются элементы реализма».³⁹ С таким упрощенным изображением точки зрения тех, кто усматривает в народной поэзии появление «реалистических элементов», конечно бороться легче, однако в этом случае сам спор пойдет мимо тех «конкретно-исторических фактов», которые иные фольклористы и литературоведы называют «реалистическими элементами» народной поэзии.

Как ни различаются между собой точки зрения В. Е. Гусева и Б. Н. Путилова, на одном они все же, видимо, сходятся: художественный метод фольклора феодальной эпохи не может быть назван реализмом. Это положение мне представляется вполне правильным. Более того, и в XVII в., насколько позволяют об этом судить немногие сохранившиеся записи, реализм как цельный метод не определял художественную систему русского фольклора. Однако и нереалистический художественный метод народной поэзии X—XVII вв. открывал возможность выражать характерное для каждого данного отрезка времени народное сознание, оценку народом важнейших исторических событий и деятелей, народное понимание идеала мужества, патриотизма, воинской чести и т. д. Идеализация народного героя в русском фольклоре не заключала в себе и в далеком прошлом ничего мистического, противостоящего жизненной правде; она всегда была основана на присущем народу оптимизме, вере в торжество справедливости, в победу человека над враждебными силами природы, над злом во всех его проявлениях. Но как ни высоко мастерство построения этих образов, оно не ставило перед собой широких и глубоких задач, решенных в литературе реализма.

³⁷ Проблемы современной фольклористики. (Авторефераты докладов). Всесоюзное совещание фольклористов (1958 г.). Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Л. 1958.

³⁸ Там же, стр. 10. — Подробнее эти мысли развиты В. Е. Гусевым в статье «Проблемы эстетики и фольклор» (Русская литература, 1958, № 4, стр. 56—60). Из последних работ теоретического характера, касающихся художественного метода русского фольклора, обращает на себя внимание статья В. Г. Базанова «Проблема эстетического отношения фольклора к действительности у Н. Г. Чернышевского» (Русская литература, 1958, № 1, стр. 117—131).

³⁹ Б. Н. Путилов. Проблемы изучения истории русского фольклора. — В кн.: Проблемы современной фольклористики, стр. 21.